

Возможны варианты

Ирина Мясникова

Ирина Николаевна Мясникова

Возможны варианты

Серия «Женские истории»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645225

Возможны варианты: Центрполиграф; М.; 2011

ISBN 978-5-227-02766-5

Аннотация

Надя Давыдова рано научилась самостоятельно устраиваться в жизни. Успешно учась в институте, она умудрялась заниматься в театральной студии и даже зарабатывать кое-какие деньги. Потом родился сын Степка, и появилось прибыльное дело. Не везло Наде только с мужчинами. Один оказался меломаном-алкоголиком, другой – маменькиным сынком, третий был связан с криминалом. Несмотря на то, что Надя привыкла всегда полагаться только на себя, иногда ей не хватало надежного мужского плеча. Но есть ли в мире такой сильный мужчина, который сможет стать ей поддержкой и опорой?

Содержание

Макс и Стас. Вариант первый	17
Стас	36
Макс и Стас. Вариант второй	50
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ирина Николаевна Мясникова

Возможны варианты

Жара. Асфальт плавится под ногами, знойный воздух прозрачными струями поднимается вверх, к синему-синему небу. На небе ни облачка, но Надя Давыдова этого не видит. Небо слишком высоко и далеко, а на Наде панамка, и она мешает смотреть вверх. Панамка застегивается сзади на пуговицу и похожа на трусы, которые для чего-то носят на голове. Видимо, для того, чтобы в панамные дырочки можно было просунуть Надины тоненькие, мышинного цвета хвостики. Из-за этой дурацкой панамки Надя видит только мамини ноги. Ноги у мамы красивые, очень. А еще красивей мамини белоснежные остроносые туфли на тонюсеньких каблучках-шпильках, которые застревают в расплавленном асфальте. Асфальт пачкает эти замечательные туфли, и мама злится. Мама у Нади очень красивая. На ней ярко-красное платье с белыми ромашками и прическа, похожая на башню. А еще на маме чудесные солнечные очки. Мама похожа на иностранную артистку, ей все говорят об этом. Сама Надя никогда иностранных артисток не видела, но понимает, что на свете нет ничего лучше, чем быть похожей на иностранную артистку. Она гордится, что идет с такой красивой ма-

мой, но видит она все равно только мамины ноги. По правде сказать, Надя Давыдова видит все ноги, попадающие в ее поле зрения. Вот красивые мамины, а вот какие-то неказистые в коротких брюках и сандалиях, надетых на полосатые яркие носки.

– Ой, здрасте! – говорят эти ноги противным голосом.

– Здравсте, здрасте! – отвечают им мамины ноги. Удивительно, мама тоже, оказывается, умеет говорить противным голосом.

– Это ваша дочка?

– Да. – Мама гладит Надю по панамке.

– Надо же, какая уже большая! Еще недавно в колясочке возили. Быстро, быстро время бежит!

И еще какое-то «бу-бу-бу», а потом опять мягкий асфальт и мамины остроносые туфли. Хорошо, спокойно и ясно. И можно совершенно не волноваться, куда и зачем мы идем по этому мягкому асфальту. Надя Давыдова знает – все будет хорошо. И действительно, вот и замечательные ботинки, самые лучшие в мире, и крепкие папины руки, которые подкидывают Надю к самому синему небу. И она летит, а панамка ни капельки не мешает смотреть на самую красивую в мире маму и на самого лучшего в мире папу. Они смеются, они знают, что нужно Наде для счастья. Как хорошо, когда можно вот так беззаботно кувыркаться в родительской любви! И зачем только дети вырастают?!

– Мы подумали и решили, что тебе надо поступать в электротехнический.

– Почему в электротехнический? Я хочу в художественный. – Надя Давыдова стояла, привалившись к дверному косяку, и разглядывала своих любимых, самых лучших в мире родителей. Ей уже исполнилось семнадцать лет. Мышиные хвостики, когда-то торчавшие из детской панамки, превратились в замечательные густые темно-русые волосы, которые Надя собирала в хвост на затылке. Иногда она вплетала в хвост шелковый шарф и закручивала из него настоящую дудлу, тогда она становилась особенно похожа на свою маму. Вообще, Надя Давыдова уже начинала подозревать, что стала настоящей красавицей. Однако этот факт пока еще всерьез не воспринимался ни ею, ни ее родителями. Мало ли на свете красивых людей. Вот умных – действительно мало! Давыдова заканчивала школу, и перед семьей всерьез встал вопрос о ее дальнейшем образовании. Родители периодически занимались промыванием Надиных мозгов и всеми силами вбивали ей в голову мысль о необходимости высшего образования. С этим Надежда не спорила, она вообще редко спорила с родителями. Можно сказать, практически никогда не спорила. Родители всегда знали, как для нее будет лучше. Поэтому Надя Давыдова сама себе удивилась, когда вдруг ляпнула, что не хочет идти в электротехнический институт.

– Вот как? – Мама строго поглядела поверх своих невозможно красивых очков и небрежным движением откинула в

сторону журнал «Новый мир». – Почему именно в художественный?

– Я хочу быть модельером! – смело заявила Надя. От этой неожиданной смелости у нее внутри аж все похолодело.

– Да ну?! У тебя к этому есть талант и призвание? – Мамин голос был переполнен сарказмом.

– Мне это нравится, я хорошо рисую и хорошо шью, ты же знаешь! – Надежда искренне удивилась материнскому сарказму. Уж кто, как не родная мама, лучше всех знала, что Надя легко может принарядиться, используя для этого какие-нибудь совершенно негодные старые мамины одежды. Надежда их перешивала, перелицовывала и давала вещам вторую жизнь. Порой совершенно неожиданную. Это позволяло ей прослыть среди одноклассников настоящей модницей. К сожалению, переделывать туфли и перешивать зимние вещи она еще не научилась, поэтому иногда тайком от родителей заимствовала парадные мамины туфли или надевала на себя осенний мамин сверхмодный плащ из жатой кожи.

– Хорошо шить и рисовать для высшего художественного училища совершенно недостаточно. Там конкурс – двадцать человек на место, поэтому для поступления необходимы соответствующие знакомства, то есть блат. А у нас никакого блата там нет. Ты провалишься на экзаменах, пойдешь в ПТУ, поступишь на фабрику «Пролетарская победа» или «Большевичка» и будешь там пришивать воротничок. – Ма-

ма разговаривала с Надеждой как с несмышленной пятилетней.

– Какой воротничок?

– Обыкновенный воротничок. На фабрике обычно одна работница пришивает воротничок, вторая манжет, а самой высококвалифицированной поручают пришивать рукав – и так день за днем. Ты готова пришивать воротничок всю оставшуюся жизнь?

– Нет. А вдруг я поступлю?

– Не мели ерунды. Но если вдруг случится чудо, тебя перепутают с какой-нибудь блатной абитуриенткой и ты поступишь, то после окончания тебе светит распределение в город Замухинск на тамошнюю фабрику «Пролетарская победа», ну, или, в конце концов, на фабрику «Знамя труда», и там ты будешь разрабатывать модель фланелевого халата в цветочек.

– Почему халата? – удивилась Надя. В ее представлении модельер придумывал новые фасоны и устраивал разные показы модной одежды, как в фильме про приключения итальянцев в России или в «Бриллиантовой руке». Давыдовой очень нравился момент, когда «брюки превращались в элегантные шорты». Конечно, она понимала, что кино – это кино, а жизнь от фильмов с участием не только иностранных артистов, но даже и наших советских, можно сказать родных, отличается очень сильно. В фильмах наши артисты были ослепительно красивыми и одетыми во все иностранное.

Ведь если открыть советский журнал мод, посмотреть на безликих манекенщиц, их натужные, приклеенные улыбки и их якобы модную одежду, то всю ночь будут мучить кошмары. Но неужели так уж невозможен вариант, согласно которому Надежда Давыдова станет выдающимся модельером и изменит ситуацию в советской легкой промышленности?

– Конечно, халата! А чего еще? Ты разве не знаешь, что производит наша советская легкая промышленность в городе Замухинске? Чего там про Замухинск говорить, она и в Москве-то ничего путного не производит. Не хочешь халат, будешь разрабатывать сапоги «прощай, молодость» на «молнии» спереди. Советская легкая промышленность работает по утвержденному плану. Ты готова стать винтиком в этом механизме?

– Нет. – По всему выходило, что мама, как всегда, права, и вариант, в котором Надя Давыдова совершит переворот в советской легкой промышленности, выглядит совсем уже призрачным.

– Тогда марш в электротехнический. – Мама опять взялась за журнал.

– Нет, лучше на журналистику. – Надя решила, что уж если нельзя в модельеры, то в журналистах-то всяко поинтересней, чем в инженерах-электриках.

– Час от часу не легче! Ты думаешь, туда конкурс меньше? И там у нас тоже нет никакого блата. Для журналистики мало хорошо писать сочинения на свободные темы. Там

надо уметь писать на заказ. А ты на заказ писать не умеешь. Из тебя постоянно прет какое-то свободомыслие, а это в советской журналистике штука неприемлемая. Опять же, это только в том случае, если случится чудо и ты поступишь. По окончании тебя распределят в тот же Замухинск, где ты будешь работать корреспондентом газеты «Вперед!» и всю оставшуюся жизнь писать статьи про передовиков производства. Тебе нравится такой вариант?

– Нет. Но почему ты уверена, что меня отправят в Замухинск?

– Потому что в Москве и Ленинграде журналистов хватает и без тебя. У нас же нет никаких знакомых ни в газетах, ни в журналах, ни на телевидении. Так что районная газета – это максимум, на который ты можешь рассчитывать.

Надежда тяжело вздохнула, опять мама камня на камне не оставила от ее предложения.

– А если пойти в театральный? В артистки? Я ж в кружке занималась, у меня вроде бы хорошо все получалось. Ты же помнишь, меня хвалили. И внешне я на артистку похожа, на иностранную, вся в мать! – Надежда решила уже выдать родителям и свою тайную мечту. Чего уж там, раз такой приступ смелости накатил.

Мама засмеялась:

– К сожалению, этого опять мало. Конкурс в театральном не меньше, чем во всех остальных вышеперечисленных тобой местах. Однако я не исключаю, что при поступлении в

театральный вероятность чуда все-таки выше. Но! Что потом?

– Неужели опять Замухинск?

– Определенно! Местный театр драмы. Роль горничной – «Что, барыня, чай подавать?» в смысле «Кушать подано».

– Но почему, почему даже в Замухинске «Кушать подано»? – возмутилась Надя.

– Потому что в Замухинске есть ведущая артистка, местная прима, жена главного режиссера Загоруйко.

– Она же не может одна играть все роли?

– Конечно, не может, для этого у нее на подхвате жена директора театра и жена заведующего литературной частью, а также артистка-травести Петушинская и артистка Пупкина.

– Ну, с женами все ясно, с травести тоже понятно, я с ростом метр восемьдесят в травести не гожусь, но что с Пупкиной-то не так?

– Пупкина актриса хорошая, но она страшнее атомной войны, поэтому не представляет собой никакой угрозы для примы Загоруйко. Сидит на характерных ролях и в примы не лезет. А тут выходишь ты вся в белом, ленинградская штучка, ноги от ушей. Мало того что сам главный режиссер Загоруйко слюни развесит, так еще и директор вместе с заведующим литературной частью поплывут. Кому ж это понравится? Так что «кушать подано» – это в лучшем случае, в худшем – эти бабы разорвут тебя на части.

– А в электротехническом? Я же больше всего на свете не

люблю физику! – Наде очень хотелось заплакать. Ей стало жалко не только себя за то, что придется изучать эту противную физику, но и артисток Пупкину и Петушинскую, прозябающих в театре драмы города Замухинска.

– Зачем тебе ее любить? Физику, моя милая, надо знать. Ты у нас девушка усидчивая, ответственная. Я ни минуты не сомневаюсь, что ты эту физику осилишь, да еще и будешь знать ее лучше всех!

– Зачем мне знать физику лучше всех? – удивилась Надежда. Ну ладно еще выучить какой-то минимум, чтобы сдавать экзамены. Но чтобы знать эту мутоту лучше всех! Нет, подобное в планы Нади Давыдовой никак не входило!

– Чтобы остаться на кафедре, закончить аспирантуру, защитить диссертацию, стать преподавателем, доцентом, затем профессором.

– И?.. – Надя представила себя профессором. Профессор был в белом халате и похож на доктора Айболита.

– «И»! Ты знаешь, какая зарплата у профессора? А престиж, связи? И заметь, это все не в Замухинске, а дома в замечательном городе на Неве.

– Да, но тебе не кажется, что профессоров в Москве и Ленинграде ничуть не меньше, чем модельеров, журналистов и артисток?

– Даже если ты не пробьешься в профессора, хотя я ни минуты не сомневаюсь, что ты как раз пробьешься, то пойдешь работать в научно-исследовательский институт. Будешь си-

деть там за столом в белом халате. Это лучше, чем пришивать воротничок или бороздить просторы Замухинска.

– Господи, ну откуда вы все это знаете?

– Что?! – хором ответили родители. Папа даже оторвался от своей пишущей машинки, на которой он стрекотал на всем протяжении этого важного разговора.

– Ну, про мое будущее! Откуда вы так хорошо знаете, что и как будет?

– Как это – откуда! – возмутилась мама. – А личный опыт на что?

– Ты пришивала воротничок?

– Нет, я перебирала овощи на овощебазе, а потом работала продавцом в овощном магазине! – Мама явно рассердилась, наверное, ей совсем не хотелось вспоминать о малоприятных фактах своей биографии. – А отец твой, между прочим, работал матросом на буксире.

Папа развернулся от письменного стола и строго посмотрел на Надю поверх очков. Теперь они оба смотрели на нее поверх своих очков.

– Видишь ли, дочка, – сказал папа исключительно добрым голосом. – Ты сейчас стоишь на перекрестке. Или, вернее будет сказать, находишься в большой комнате с кучей дверей. Ты можешь открыть любую из этих дверей. А дальше за дверью уже будет коридор, по которому ты пойдешь, и свернуть будет некуда.

– И чего плохого в этом коридоре?

– Может быть, и ничего, а может быть, там окажутся грабли. – Отец как-то странно горько усмехнулся.

– Какие такие грабли?

– Грабли судьбы, ну, или кармические, кому как нравится. Лежат себе тихонько в коридоре, именно для тебя, такой замечательной, приготовленные. Другой, может, пройдет и не заметит, а ты на эти грабли обязательно наступишь и получишь ими по лбу.

– Почему это другому – ничего, а мне по лбу? – возмутилась Надежда.

– Все зависит от того, твой это путь или нет. Если не твой, то судьба тебе обязательно эти грабли подбросит. И будет этими граблями тебе по лбу стучать до тех пор, пока ты не поймешь, что выбрала не тот путь. Тогда тебе останется только вернуться назад и выбрать другой вариант своей судьбы, то есть попытаться открыть следующую дверь, а там опять коридор. Хождение по коридорам занимает некоторое время. Но это не просто время, час, другой, третий. Это твоя жизнь. Некоторые, кстати, на эти грабли судьбы внимания не обращают и прут дальше. А там новые грабли. Так и ходят по граблям. Бац, бац, бац! А потом начинают возмущаться, мол, за что это им такая нелегкая доля... Жалуются, но ничего в своей жизни не меняют. Мы с твоей матерью, слава богу, это вовремя поняли. А так как в свое время шишек наколотили, время упустили, хотим, чтобы ты не повторяла наших ошибок.

– Но это же ваши ошибки и ваши грабли. А вдруг у меня совсем другие и поджидают они меня именно в электротехническом институте?

– Нам почему-то кажется, что мы с тобой одной крови и ошибки у нас должны быть схожие, – заметила мама.

– То есть, чтобы не повторять ваших ошибок, я должна пойти в электротехнический институт, в который никто не хочет идти.

– Почему никто не хочет? – удивился папа.

– Как – почему? Туда же нет конкурса двадцать человек на место.

– Действительно. Туда нет конкурса двадцать дураков на место. Туда есть нормальный конкурс – два умника на одно место. – Мама встала с дивана, всем своим видом показывая, что разговор закончен. Она сунула под мышку свой «Новый мир» и гордо проследовала мимо Надежды в сторону кухни.

Папа развернулся к столу и опять застрекотал на своей машинке.

– Пап, ну пап!

– Что?

– Я не хочу в электротехнический! – Надя попробовала понять. С папой обычно этот фокус удавался.

– Я знаю, но так будет лучше. – Папа не переставая стучал по клавишам, всем своим видом давая понять, что нытье Надежде в этот раз не поможет.

– Кому будет лучше?

– Тебе.

– Нет, не мне, а вам с мамой.

– Хорошо, пусть будет нам с мамой. Сделай это для нас, ладно? – Он опять повернулся лицом к Наде. – Закончишь электротехнический, получишь диплом, и валяй потом хоть в театральный, хоть в крестом вышивальный. Мы с матерью будем спокойны и счастливы. Наша совесть будет чиста.

– Почему?

– Как – почему? Мы дали своей дочери высшее образование. А уж что ты потом с ним будешь делать – нас не касается. Главное, мы будем знать, что с голоду ты не помрешь. В любом случае у тебя будет стабильная зарплата, пока ты из года в год будешь штурмовать свой театральный. Причем зарплата, которую тебе будут платить за нормальную, не пыльную работу. Вон твой дядя, сколько лет он поступал в этот театральный! Сначала в промежутках вагоны разгружал, а потом в таксисты пошел. Там, как тебе известно, и остался. Так что получи профессию и поступай потом, сколько тебе влезет, куда хочешь!

– Я сейчас хочу! – заупрямилась Надя.

Папа поправил очки, посмотрел на дочь удивленно и сказал:

– Я думал, что моя дочь умная девушка, а не безмозглый пенек!

Макс и Стас. Вариант первый

Дискотеку готовили всей группой. В электротехническом институте было такое правило: группы каждого факультета на втором курсе по очереди устраивали факультетскую дискотеку. Дошла очередь и до группы Нади Давыдовой. К тому моменту Давыдова уже полностью освоилась в институте и ей, как ни странно, там очень понравилось. Училась она хорошо, даже повышенную стипендию получала, кроме того, Надя стала активным участником институтской команды КВН и с упоением играла в театральной студии. Вообще, в электротехническом институте собрались очень талантливые ребята. Наверное, не только родители Нади Давыдовой хорошо знали про пришивание воротничков и славный город Замухинск. Поэтому среди выпускников электротехнического позже оказались и известные писатели-юмористы, и рок-музыканты, и парочка режиссеров, а уж актеров после электротехнического была и вовсе тьма-тьмущая.

В центре танцевального зала из институтских парт соорудили бар, его оклеили ватманом и разрисовали гуашью. Это была изюминка вечеринки. До бара не додумалась еще ни одна группа. Наверное, оттого, что в институте было запрещено распивать спиртные напитки. Когда бар еще только начали строить, в зале сразу нарисовались активные комсомольские вожаки со строгими рожами. Однако им вежливо объ-

яснили, что бар не всамделишный, а игрушечный и в нем будут продаваться соки и лимонад «Колокольчик». Для убедительности вожакам даже продемонстрировали заранее закупленные трехлитровые банки с яблочным и томатным соком. Портвейн и водку комсомольским вожакам показывать не стали. Комсомольцы повеселели лицами и выдали свое одобрение хорошей задумке. «Задумка» – это было настоящее комсомольское слово. «Задумка», а еще «человечек». У Нади Давыдовой от этих слов почему-то все внутри переворачивалось. Так и тянуло дать активному комсомольцу по башке. Конечно, сама Давыдова тоже была комсомолкой. Куда ж без этого? Правда, приняли ее в комсомол только с третьего раза. Она, хоть и мнила себя артисткой, никак не могла сыграть отведенную ей роль в простецком комсомольском ритуале. Когда ее одноклассник, а по совместительству главный школьно-комсомольский председатель Ленька Крылов с серьезным видом спрашивал у нее, сколько орденов у комсомола, Давыдова начинала ржать как ненормальная. Во-первых, ответ на этот вопрос знали даже октябрюта, во-вторых, они с Ленькой всегда договаривались заранее, какие вопросы он ей будет задавать, а в-третьих, она никак не могла всерьез воспринимать Леньку, который как-то раз, напившись портвейну, катал на себе такого же пьяного Юрку Семенова. А больше всего Давыдову веселили строгие, надутые лица присутствующих при приеме комсомольцев...

Итак, на третий раз Давыдову все-таки приняли. Надо бы-

ло принять, она уже одна в школе такая осталась. Завуч звала ее к себе и сказала, что если Давыдова не собирается поступать в институт, то может продолжать свои хихоньки и хахоньки. В ПТУ просто ждут не дождутся таких милых барышень, воспитанных, начитанных, а самое главное, веселых. А так как страшными словами «ПТУ» и «пэтэушница» Надю пугали с детства, на очередном приеме в комсомол ей пришлось так завязать свой хохотунчик в узел, что на вопрос об орденах она ответить не смогла. Просто строго и внимательно посмотрела Ленке Крылову в глаза. Тот быстро сам ответил на поставленный вопрос и сообщил заседающим, что Давыдову можно принять. В райкоме история повторилась, видимо, Давыдова и им портила отчетность. Главный районный комсомолец, которому на вид было уже лет сорок, никак не меньше, задал ей вопрос про ордена и тут же, не дав Давыдовой даже вздохнуть, сам на него ответил. После этого Надя стала комсомолкой. И даже собирала комсомольские взносы. Как-то эта обязанность прилепилась к Давыдовой. Видимо, деньги ее любили и так и тянулись к ней. Или она к ним. Скорее всего, эта любовь была взаимной. На самом деле по сбору комсомольских взносов Давыдова всегда была впереди планеты всей. Она это делала быстро, аккуратно и в полном объеме, чем вызывала одобрение комсомольских начальников.

В группе долго спорили, кому поручить такое ответственное дело, как торговля в баре. В результате прием денежных

средств решили доверить Давыдовой, как опытной сборщице комсомольских взносов, а изготовление напитков отдали на откуп Игорю Шестопалову. Шестопалов был родом из очередного сибирского Замухинска и в деле приготовления коктейлей не знал себе равных.

Дискотека имела огромный успех, торговля шла бойко, группа была в большой прибыли, и Давыдова с Шестопаловым уже мечтали об очередной такой же дискотеке. В это время спиртное закончилось. За соком и «Колокольчиком», как ни странно, публика в бар не повалила, и решено было отрядить в ближайший магазин группу товарищей с большими портфелями. Портфели на входе в институт никогда не проверяли. Мало ли, людям книги надо в библиотеку сдать или еще что полезное сделать в вечернее время. Ведь вечернюю форму обучения, несмотря на факультетскую дискотеку «дневников», никто не отменял. Главное было, чтобы бутылки в портфеле ненароком не загремели, для этого их предусмотрительно обматывали тренировочными штанами.

Короче, пока засланные в магазин товарищи исполняли свой долг, в торговле образовалась пауза. Воспользовавшись моментом, Давыдова пересчитала барыши и сдала деньги старосте группы Титову.

– Надюш! Иди хоть потанцуй пока! – сказал ей Шестопалов. – А то всем веселье, а нам с тобой работа.

Шестопалов организовал себе рабочее место ниже барной стойки, где его не мог засечь ни один особо ретивый комсо-

молец. Там, сидя на складном стульчике для зимней рыбалки, он и создавал свои замечательные напитки.

Давыдова радостно выкатилась из бара и кинулась в толпу танцующих. Танцевать она могла легко и свободно под любую музыку, потому что, наградив Надю сногшибательной внешностью иностранной артистки, Боженька совершенно обделил ее чувством ритма. Но по этому поводу Давыдова ни минуты не переживала и танцевала всегда с большим удовольствием. Ведь современные танцы – это ж вам не мазурка какая-нибудь с полонезом. Знай себе дрыгайся да попой верти, по возможности, в такт барабанам или топчись в обнимку под медленную музыку.

Когда Давыдова самозабвенно задергалась прямо в эпицентре дископляски, рядом с ней сразу нарисовались двое парней. Один постоянно дрыгался и был похож на ртуть. Глаза этот ртутный молодой человек имел ярко-зеленые, как виноградины. Давыдова никогда в жизни не видела таких глаз. Кроме того, длинные черные волосы красавца были забраны на затылке в тугой хвост.

«Чингачгук, да не просто, а в исполнении популярного югославского артиста Гойко Митича», – уважительно подумала Давыдова. Вот только солидный Гойко Митич вряд ли стал бы так дергаться.

– Макс! – Ртутный Чингачгук стукнул себя кулаком в грудь. – А это Стас! – Тем же кулаком он ткнул в живот второму парню.

Тот не шелохнулся. Он вообще стоял очень спокойно, как будто музыки никакой и не было вовсе. Этот Стас имел абсолютно белые волосы до самых плеч и ярко-синие глаза. В представлении Нади Давыдовой так должны были выглядеть настоящие викинги. Что ни говори, а оба парня были весьма видными. Давыдова мельком огляделась и поняла, что появление этих парней около нее не осталось не замеченным ни для кого из ее группы.

– Надя! – ответила она Максу и тоже стукнула себя кулаком в грудь.

Они еще немного подрыгались, а потом заиграла медленная музыка. Тут Стас отодвинул Макса в сторону от Давыдовой, спросил:

– Можно? – и, не дождавшись ответа, взял ее за талию и повлек за собой. Макс, не переставая подергиваться, последовал за ними.

Так они и протанцевали весь вечер. Быстрые танцы Надя дергалась с Максом, а Стас в это время спокойно стоял рядом. Иногда, правда, он позволял себе слегка притопывать ногой в такт музыке. Зато все медленные танцы Надя танцевала со Стасом, Макс же плавно извивался неподалеку. Его зеленый модный свитер с высоким воротом, под названием «бэдлон», делал Макса похожим на водоросль. Вся Надина группа внимательно наблюдала за протекающим процессом, даже Шестопалов стал выглядывать из-за стойки и путать коктейльные ингредиенты. На кассу вместо Нади заступил

староста Титов, но и он пару раз обсчитался со сдачей. В результате самый ядреный шестопаловский коктейль был продан преподавателю физики вместо томатного сока, при этом его еще и обсчитали на целый рубль. Самое удивительное, что физик нисколько не обиделся, а затребовал себе добавки.

С дискотеки Надя ушла вместе с Максом и Стасом. Однако заботливый Шестопалов посчитал своим долгом ее предостеречь.

– Ты, Надька, того-этого! Смотри осторожней с незнакомыми парнями. Время-то позднее, мало ли чего! – строго сказал он, подозрительно оглядывая парней. Даже глаза для пущей важности прищурил.

– Ага! – согласилась с ним Давыдова. – Время, действительно, позднее, и одной через наш пустырь от метро ходить гораздо безопаснее, чем с двумя здоровенными бугаями.

Макс и Стас честно проводили Надю до двери ее квартиры. Всю дорогу Макс веселился и балагурил, а Стас многозначительно молчал. Давыдова хохотала над шутками Макса и поглядывала в сторону Стаса, пытаясь определить его реакцию. Реакция никак не определялась.

«Снежная королева, не иначе!» – думала Давыдова о Стасе. О Максе она не думала. Чего о нем думать, когда веселиться надо?

С того дня так и повелось: где бы ни появлялась Надя Давыдова, рядом с ней обязательно была эта парочка – Макс и

Стас. Оба обычно были одеты в одинаковые синие джинсы, ковбойские сапоги со шпорами и модные обтягивающие свитера. Только у Макса свитера были зеленые, а у Стаса синие или голубые. Надя Давыдова и сама не заметила, как стала одеваться так же, только во все черное. Даже хвост перестала подвязывать своим любимым шелковым шарфом.

– Надька, как-то вы всей вашей троицей на лошадей смахиваете, – не раз говорил ей Шестопалов.

– Завидуешь, Игорек? – отвечала ему Давыдова и добавляла картавым противным голосом в нос: – Порода, батенька, с этим ничего не поделаешь!

Сам Шестопалов был добродушным толстяком и ухаживал за такой же пухленькой первокурсницей.

Родители Давыдовой сначала смеялись над «Надькиными ухажерами», а потом как-то привыкли и перестали обращать внимание. Дольше всех веселилась бабушка. Каждый раз, когда она приезжала в гости и обнаруживала в квартире Макса со Стасом, бабушка всплескивала руками и удивлялась:

– Опять дежурные! Ой, все те же, а я уж думала – новые!

И неизвестно, сколько бы все эти дежурства продолжались, ведь парни ни на минуту не оставляли Давыдову с кем-нибудь одним, если бы Макс не сломал ногу. Они, как всегда втроем, возвращались из кино. Провожали Давыдову домой. Буквально в трех метрах до Надиной парадной Макс вдруг поскользнулся и со всего маху рухнул на асфальт. От боли он

слегка зарычал, правда, при этом все равно пытался пошутить, но Надя почему-то сразу поняла, что дело нешуточное. Она велела Стасу как можно бережней тащить Макса до скамейки, а сама побежала вызывать скорую помощь. Скорая ехать отказалась и велела обращаться в ближайший травматологический пункт. Пришлось просить папу. Папа, ругаясь на чем свет, отправился в гараж, и вскоре они уже грузили поскуливающего Макса в папин «москвич». В травматологическом пункте Макс сделали рентген, наложили гипс и прописали постельный режим. После этого дежурными стали Надя со Стасом. Они вместе дежурили около Макса со сломанной ногой. Однако после дежурства Стас шел провожать Давыдову домой, и дело кончилось тем, что, подходя к дверям ее квартиры, они начинали целоваться. Как-то само собой получалось. Ну, может, и не совсем само собой. Уж больно Давыдовой нравились белые волосы, голубые, почти синие глаза и загадочная молчаливость. Стас ей казался сказочным принцем, ведь он тоже, не меньше, чем Давыдова, был похож на иностранного артиста. Каждый раз, когда она видела его, идущего ей навстречу в распахнутой куртке и с развевающимися белоснежными волосами, у Давыдовой замирало сердце. Она сразу представляла его на белом коне, в серебристой кольчуге и с мечом в руках. Ах, как бы Стасу подошла серебристая кольчуга! И слов-то никаких и не надо вовсе. Суровые северные мужчины в серебристых кольчугах должны быть молчаливы и неприступны.

В результате к тому моменту, когда с ноги Макса сняли гипс, Надя со Стасом объявили ДРУГУ? ^{что} решили пожениться. Макс на них обиделся. На свадьбу не пришел и даже перевелся в другой институт. Наде никогда в голову не приходило, что Макс настолько серьезно к ней относится, уж больно он сам был несерьезным.

Надины родители, к ее большому удивлению, про ее выбор ничего такого навроде воротничка и Замухинска не сказали. Видать, в отличие от предыдущего раза они не смогли бы предъявить ей какую-нибудь печальную историю из собственного опыта. Посмотрели оба поверх очков, а потом мама заметила:

- Девушка обязательно должна побывать замужем.
- Баба с возу – кобыле легче! – резюмировал отец.

После свадьбы началась семейная жизнь, и Надя вдруг заметила, что очень сильно скучает по Максусу. Его откровенно не хватало. Стас молчал. Надя говорила. Стас молчал. Смотрел на нее своими голубыми глазами и молчал. Потом начались занятия на военной кафедре и замечательные длинные белые волосы Стаса отстригли. Однако хуже от этого Стас не стал. Если раньше он был похож на викинга, то после стрижки стал напоминать американского морского пехотинца. Эти ребята тоже нравились Давыдовой, пожалуй, даже не меньше, чем герои в серебристых кольчугах. Американские морские пехотинцы обычно выбивали двери ногами и спасали разных иностранных артисток из безвыходных ситуаций. И

опять же, делали они это без лишних слов. Чего говорить, когда все ясно – ломай дверь и спасай девушку. Тем не менее в нормальной жизни, когда не надо никого спасать и ломать двери, оказалось, что Давыдовой почему-то хотелось с этим возможным спасателем о чем-нибудь поговорить. Конечно, красиво, когда голубоглазый блондин тащит кого-то из огня, но одними фантазиями на эту тему сыт не будешь и на романтических грезах семью не построишь. В семье возникают различные бытовые проблемы, и могучий с виду герой, сталкиваясь с ними, вдруг превращается в беспомощного, невразумительного субъекта. Безусловно, Стас являлся украшением окружающей среды, но Давыдовой оказалось этого мало. Для украшения среды можно использовать вазы разные или картины какие-нибудь. Собаку красивую, в конце концов, завести. Но собака и то тебе всегда рада, а у Стаса никогда не поймешь, радуется он или в печали. В гости Стас ходить не любил, в театр тоже. Единственное, что ему нравилось, – так это музыка. Каждый вечер он включал магнитофон, надевал наушники, закуривал сигарету и наливал себе пива. Что есть человек, что нет его. Хотя, наверное, если б человека не было, то никто бы не вонял табаком и пивом. Давыдова никогда не думала, что этот запах такой противный. Ее просто тошнило от пепельниц, полных окурков, ей не нравились разбросанные по дому вещи, раздражали бутылки из-под пива, стройными рядами стоящие на подоконнике. Бутылки Стас не выбрасывал, собирая их, чтобы сдать

в пункт приема стеклотары. Однако сам он их никогда не сдавал, ему было недосуг. Обычно это Давыдова не выдерживала, относила посуду в пункт приема, проводя в очереди практически полдня. Стас этого попросту не замечал, постепенно заполняя подоконник новыми бутылками.

И так день за днем. Стас молчал в наушниках, а Давыдовой все не нравилось. Говорить о чем-либо со Стасом было бесполезно. Он смотрел на Давыдову своими ясными голубыми глазами, и было совершенно непонятно, что происходит у него в голове. Может быть, там очередная музыка звучит. Какой-нибудь «Пинк Флойд» или «Куин». А может быть, он просто пытается сложить из осколков льда слово «Вечность».

После окончания института на работу Стас ходил не за деньгами, а по необходимости. Существовала уголовная статья за тунеядство. Стас приходил в свой проектный институт, отсиживал там от звонка до звонка и шел домой, чтобы погрузиться в свою музыкальную нирвану. Одежду ему покупали мама с папой, а зарплату свою он тратил на различные музыкальные прикормки и новые пластинки. Пластинки привозились из-за границы и стоили бешеных денег.

После института Надя Давыдова, конечно, ни на какой кафедре не осталась, хоть и получила красный диплом. Дело в том, что диплом она защищала уже на девятом месяце беременности. Ясное дело, такая аспирантка никому на фиг была не нужна. Поэтому распределили Давыдову в номерной

институт, другими словами в «почтовый ящик». Распределение ей было по барабану. Она ждала Степку. С самого начала Давыдова была полностью уверена, что в ней зародился мальчик и зовут его Степка.

Когда Степка наконец появился, первым делом он пописал на папин магнитофон. Сразу, как из роддома принесли, одеяло развернули, чтобы посмотреть, что там такое Давыдова родила, вот тут Степан и пустил струю. Причем весьма прицельно, как-то наискосок, именно в магнитофон. Видимо, надоела ему эта музыка до чертиков еще в материнском животе. Описанный магнитофон, как ни странно, работать отказался. Даже несмотря на то, что свекровь радостно сообщила всем, что детские писи все равно что божья роса. Стас на сына всерьез обиделся и выкинул магнитофон на помойку. А потом пошел в магазин и на всю зарплату купил себе новый. Других денег в доме не было, и Надя Давыдова наконец поняла, что является матерью двоих детей. Так как Стаса переделать было уже невозможно, она стала растить себе помощника и защитника из Степана.

Со временем Стас перешел с пива на портвейн, а потом и на более крепкие напитки, в результате чего он становился патологически говорливым и нес невозможную ахинею. Давыдова не могла слушать всю эту чушь и с тоской вспоминала недавнее прошлое. Пришлось себе признаться, что в свое время она выбрала себе в мужья дурака. Как только Давыдова это уразумела, со Стасом все чаще и чаще стали

случаться самые настоящие запои. И все больше и больше времени Стас стал проводить в горизонтальном положении, распространяя вокруг себя невозможно гадские запахи. Музыку он почти уже не слушал.

Когда Степан немного подрос, он на полном серьезе предложил матери развестись со Стасом. Услышав от ребенка такие страшные слова, Давыдова не на шутку перепугалась. Она вспомнила разговор с отцом про грабли судьбы. Ведь эти самые грабли вот уже несколько лет лупят ее по башке почем зря, а она прет и прет, как танк, по выбранному в юности коридору и непонятно на что надеется. Давыдова поставила перед Стасом вопрос ребром. Стас разводиться не хотел, бросать пить тоже. Наверное, ему было очень удобно, ведь Давыдова его ни капельки не беспокоила. А когда тебе удобно, зачем что-то менять?

Давыдова совершенно не могла и не умела устраивать скандалы, она мягко уговаривала Стаса, пытаясь достучаться до его разума. И все чаще и чаще она стала задаваться вопросом, а есть ли там этот разум вообще. О наличии разума свидетельствовал тот факт, что Стас все-таки никогда ничего не делал во вред себе. Разве это не признак разумности существа? Даже пил он до определенного предела, никогда не допиваясь до библиков и зеленых человечков. Когда его всерьез поглощала пучина запоя, он с пьяными слезами кидался в ноги к Давыдовой и просил вызвать доктора. При этом он клялся и божился, что больше в рот не возьмет алкогольную

гадость. Добрая Давыдова знала, что за этими словами стоит его искреннее желание именно так и поступить, но знала она и то, что он слаб и слова эти останутся словами. Однако Давыдова никогда не осуждала Стаса за его слабость, понимая, что это уже болезнь, и доктора вызывала. Мало того, еще и оплачивала. В результате разводиться с Давыдовой Стас категорически отказывался. А потом, как же можно разводиться, когда после развода жить негде будет? Не устраивать же коммуналку в квартире, с таким трудом вырванной у родного государства. О том, чтобы Стас вернулся к своим родителям, речи быть не могло. И тут Давыдова тоже его понимала, ведь там его заключут и отправят лечиться.

И неизвестно еще, сколько бы Давыдова маялась со своим Стасом, если бы в стране не началась перестройка.

* * *

В обеденный перерыв она обычно пулей выскакивала из своего «ящика» и летела по магазинам отоваривать карточки. Если удавалось урвать американские куриные ноги, Давыдова была на седьмом небе от счастья, но и пролетарской тушенке с розовой хрюшкой на банке она была несказанно рада. Тушенка замечательно готовилась с картошкой, мешок которой удалось запасти через подшефный «ящику» колхоз. В тот день она металась по близлежащим магазинам в полном смятении. Ничего не было. Так, с перекошенным ли-

цом, она и налетела на Игоря Шестопалова. Тот неспешно шествовал по улице в модных черных очках и с теннисной ракеткой в кожаном футляре. Вообще весь вид Шестопалова свидетельствовал о постигшем его благополучии.

– Надька! Привет! Вот здорово, что я тебя встретил! – завопил он, целуя Давыдову в обе щеки.

Давыдова затравленно огляделась по сторонам, посмотрела на часы и плюнула на асфальт. До конца обеденного перерыва оставалось двадцать минут. Ясное дело, что теперь она уже точно ничего не успеет, придется сюсюкать и изображать радость от встречи с однокурсником.

– Тьфу на тебя, Шестопалов! Ну тебя к бесу! – злобно проворчала она. – Чем я теперь Степку вечером кормить буду?

– Какого Степку?

– Моего собственного! – Давыдова заулыбалась и похлопала себя по животу. – Помнишь, мы, когда с тобой последний раз виделись, он у меня еще в животе сидел, а сейчас вот несколько лет как вылез и все время кушать просит. В магазинах, видал, пусто. Если я в обед пожрать не куплю, вечером точно ничего не получится.

– погоди, Надь, не волнуйся. Хочешь, я тебе сегодня вечером куриных ног привезу прямо домой?

– Хочу, а у тебя откуда? – удивилась Давыдова. В ее окружении было не принято делиться отоваренными по карточкам продуктами.

– Так я ими торгую!

– Молодец какой! – Надежда искренне порадовалась за однокурсника. Ей всегда нравилась его предприимчивость. Не зря говорят, что приезжие ребята от местных, ленинградских, сильно отличаются. Нигде не пропадут.

– Ага! Я молодец, и ты мне очень нужна. Прямо-таки очень-очень!

– Я замужем! – осторожно заметила Давыдова. Совсем этот Шестопалов ошалел, что ли? Знает же, что никогда ей не нравился. В смысле, как мужчина.

– Я не в том смысле, я тоже женат! – засмеялся Шестопалов. – Помнишь Лилю?

– Ту пухляшку, за которой ты хвостом ходил? Конечно, помню, она очень миленькая, глаза добрые. – Давыдова облегченно вздохнула.

– Вот, я на ней и женился, у нас две девочки, двойняшки!

– Вот здорово! А я-то тебе на фига понадобилась?

– Как – на фига? Совсем не на фига, а на деньги. Мне верный человек на финансах нужен. Верный и честный. Я тебя все время вспоминал. Искал тебя, только вы же со старого адреса переехали, а новый телефон мне там ни в какую давать не хотели. Шпионы какие-то, блин, разведчики! Понимаешь, я тебе бы бабосы доверил не задумываясь.

– Спасибо, а Лиля чего? Обычно жену на такое дело сажают, – честно удивилась Давыдова.

– Во-первых, ей не до бизнеса, она вся в детях, во-вторых, с арифметикой у нее полный ноль. Даже не ноль, а минус.

Никак не пойму, как она в нашем институте училась? Ну, что скажешь?

– Да я вроде не против, терять мне нечего, но все как-то неожиданно. Тем более я толком не понимаю, чем ты занимаешься. Ну, кроме торговли куриными ногами, конечно! – Все это было очень интересно, но у Давыдовой заканчивался обеденный перерыв, а за опоздание ей светила разборка в первом отделе. Она нервно посмотрела на часы и прикинула, что к проходной придется бежать с ускорением. Видимо, Шестопалов все это понял, потому что сказал:

– Давай так договоримся. Ты сейчас беги в свой «ящик», а вечером я за тобой заеду сюда вместе с ногами и доброшу тебя до дому, по дороге все обсудим, а ты подумай пока. Во сколько в вашей богадельне рабочий день заканчивается?

– В пять пятнадцать.

– Отлично, договорились. – Шестопалов чмокнул Надю в щеку и неспешно последовал к своей ярко-красной «девятке» «Ладе». Давыдова знала, что этот автомобиль так называется, потому что это была несбыточная мечта Стаса.

Когда Шестопалов в пять пятнадцать на своей чудо-машине подждал Давыдову у проходной, вся ее лаборатория, да что там лаборатория, весь отдел кинулся смотреть на это диво дивное. Никто не бежал бегом к автобусам и троллейбусам, все неспешно проходили мимо, оглядывали авто и вежливо прощались с Давыдовой. После этого решение уйти из «ящика» стало твердым и бесповоротным. Об этом своем

выборе Надя Давыдова потом не жалела никогда.

Шестопалов не только торговал куриными ногами, он торговал всем подряд, в том числе и спиртными напитками. После прихода в бизнес Давыдовой они стали торговать еще и компьютерами, которые собирали с привлечением Надиных бывших сотрудников из «ящика». Надя Давыдова не просто «села на деньги» в уже выстроенном бизнесе Шестопалова, она с удовольствием развивала и новые направления, такие как те же компьютеры и офисная техника. Особо удачным ее изобретением было создание ремонтно-строительного подразделения. Начали с ремонта крыш и квартир, а потом всерьез занялись промышленно-гражданским строительством. С учетом того, что староста их институтской группы Титов ринулся в политику и подвизался в мэрии, их строительную компанию ждали очень даже интересные перспективы. Шестопалов выделил Давыдовой вполне приличную долю, и они стали полноценными компаньонами. Оба были довольны друг другом, понимали друг друга с полуслова и дружили семьями. Вернее, Давыдова со Степкой дружили с семьей Шестопаловых. Ходили к Шестопаловым в гости и вместе ездили отдыхать. Стас продолжал существовать в жизни Давыдовой как досадное недоразумение, которое при первой же возможности необходимо было устранить.

Стас

Когда Стасик был совсем маленьким, он был похож на ангелочка. Он вообще рос очень красивым ребенком. Единственным и неповторимым. Родители души в нем не чаяли, особенно мама. Мама работала заведующей районной санэпидемстанцией, а папа начальником участка в строительно-монтажном управлении. Папа зарабатывал деньги, и не маленькие, а мама имела такие связи, что семье было куда и на что эти деньги потратить. Стасика всегда очень хорошо кормили и одевали. У мамы по поводу питания был настоящий бзик. По ее мнению, ребенок в первую очередь должен быть накормлен, во вторую – обут, в третью – одет. Остальное считалось неважным. Книг в доме не держали, языкам и музыке ребенка не обучали. Некогда было. Зарабатывали деньги и прирастали связями, чтобы было что поесть и во что нарядиться. В результате сытый и обутой Стасик рос сам по себе. Конечно, мама, придя с работы, всегда интересовалась его делами и оценками. Но, странное дело, задав вопрос, она никогда не слушала ответов Стасика. Со временем у него даже выработалась привычка молчать, пожимать плечами или, в крайнем случае, говорить: «Не знаю».

Когда Стасик немножко подрос, у него открылась непреодолимая тяга к музыке. Учительница пения в школе определила, что у него незаурядный музыкальный слух, хоро-

ший голос и явно выраженные музыкальные способности. О чем через классного руководителя и было сообщено родителям Стасика. Даже порекомендовали отдать мальчика в музыкальную школу. Родители тогда очень сильно веселились. Будучи выходцами из маленьких провинциальных городков, с трудом пробившись в люди, и не где-нибудь, а в Ленинграде, родители считали, что такими глупостями, как музыка, пусть занимаются еврейские дети. Их же сын должен получить крепкую, надежную специальность, а еще лучше – стать инженером. Видимо, во времена далекой родительской молодости инженеры хорошо зарабатывали и пользовались уважением окружающих. Однако, так как Стасик ни в чем отказа не знал, гитару ему все-таки купили. Купили бы и пианино, просто ставить его было некуда. Оно никак не вписывалось в полированный мебельный гарнитур. Гарнитуром мама Стасика очень гордилась. И гарнитуром, и цветным телевизором, и мягкой мебелью немецкого производства.

Стасик научился играть на гитаре при помощи самоучителя, сам же подбирал модные песни и даже пробовал сочинять разные мелодии. Чуть позже он выпросил у родителей денег на хороший магнитофон и проигрыватель и целые дни проводил с гитарой и в наушниках. По картинкам на иностранных пластинках и музыкальных журналах у Стасика сложилось твердое впечатление, как должен выглядеть и вести себя настоящий музыкант. Музыканты на картинках обычно имели длинные волосы, они сидели в клубах дыма с полупри-

крытыми глазами, что-то мечтательно наигрывая на своих великолепных гитарах. В статьях из иностранных музыкальных журналов, которые Стасик с трудом переводил при помощи словаря, говорилось, что известные музыканты много пьют и даже используют наркотики. Мол, таким образом они попадают в нирвану, с помощью которой и сочиняют свои замечательные песни.

Загадочный и молчаливый Стасик с гитарой пользовался огромной популярностью среди девчонок. Но девчонок он побаивался и старался избегать. Он совершенно не знал, о чем с ними разговаривать. Когда родители определили его на учебу в электротехнический институт, он спорить не стал. Стасик с детства твердо знал, что с родителями спорить – все равно что против ветра плевать. Он сдал экзамены и даже без помощи материнских связей поступил в институт. Учился он неплохо, просто связно высказывать свои мысли толком не умел. Так в электротехническом этого и не требовалось. В институте Стасик познакомился с Максом, после чего его жизнь изменилась кардинальным образом. Во-первых, он стал Стасом, а во-вторых, совершенно перестал стесняться своего косноязычия. Он теперь мог спокойно загадочно молчать, так как говорил за него обычно Макс. Макс дразнил Стаса Вяйнемаяйненом. Стас поначалу даже обижался, но со временем ему очень понравился этот образ. Быть Вяйнемаяйненом было даже лучше, чем загадочным музыкантом. Уж больно хорошо это соотносилось с суровой нордической

красотой и молчаливостью Стаса.

Макс перезнакомил его с кучей разных девчонок, девчонки буквально вешались ему на шею, но ни одна из них Стасу не нравилась. Максу тоже все эти девчонки не особо нравились, но он всегда умел воспользоваться их расположением. У Стаса почему-то так не получалось. Конечно, к тому моменту, когда они с Максом познакомились с Давыдовой, у обоих было за плечами не одно разбитое девичье сердце. Давыдову, конечно, углядел Макс. Сначала он заметил ее за стойкой бара. Она озорно смеялась, пересчитывая деньги, а вокруг нее клубилась толпа пацанов. Одни чего-то покупали, другие просто болтали и смеялись. Один все время выныривал из-под стойки бара и что-то дул ей в уши. Макс стукнул Стаса локтем в бок.

– Стас, ты видишь это солнце? – спросил он, закатив глаза.

Стас узнал взгляд, означавший, что Макс принял охотничью стойку. Если бы у Макса был хвост, как у собаки, то тот наверняка в этот момент натянулся бы струной. Стас, наоборот, при взгляде на Давыдову ощутил себя большим и глупым сенбернаром, распустившим слюни прямо до пола.

В этот момент Давыдова бросила свои дела за стойкой, послала окружающим ее парням воздушный поцелуй и вприпрыжку кинулась в толпу танцующих. Когда она выбралась из-за стойки, Стас и вовсе обомлел. Она оказалась еще красивее, чем он мог себе представить. Таких девушек он видел только в иностранных журналах и кино. При этом он почув-

ствовал что-то такое, чего не чувствовал никогда и что описать словами, наверное, не смог бы даже Макс. Макс ринулся следом за Давыдовой, а Стас поспешил за ним. Обычно в таких случаях он не лез поперек Макса, но в этот раз ничего поделаться с собой не смог. Уступать такую девчонку Максиму было никак нельзя. Вот тогда он впервые пожалел, что не умеет говорить, не умеет шутить, как Макс, и вообще стоит пень пнем. Он только и сподобился, что краснеть, глядя на Давыдову, и глупо улыбаться. Хорошо еще хоть потанцевать с ней удалось. Когда они танцевали и Стас нежно прижимал к себе Давыдову, он вдруг понял, что она совершенно не чувствует музыку. Напрочь. И этот ее недостаток немного примирил его со своим собственным несовершенством.

Потом они с Максом долго ходили за Давыдовой, как нитки за иголкой. Она упорно не отдавала предпочтения ни одному из них. Дружила с обоими. Стас надеялся, что Макс долго этой осады не выдержит, уж слишком он был нетерпелив, но, как ни странно, тот отступать не собирался и даже позабросил всех своих временных подружек.

Когда Стас все-таки отбил Давыдову у Макса, воспользовавшись тем, что тот сломал ногу, он даже не поверил собственному счастью. Более того, он совершенно не знал, что с этим счастьем делать дальше. Ведь цель завоевания Давыдовой, так или иначе, была обозначена Максом. Других целей Стас вокруг себя больше не видел. Еще бы, у него была теперь самая красивая в мире жена и еще у него была музыка.

Может быть, в этом и есть смысл жизни?

Неприятности начались, когда Давыдова родила Степку. Стас изо всех сил готовился к этому мероприятию и считал себя настоящим везунчиком. Конечно, еще и сын у него теперь будет. В том, что будет именно сын, Стас ни минуты не сомневался. А как иначе? Как там говорят про то, что мужику положено сделать? Правильно, дом построить, дерево посадить и родить сына! Деревьев Стас на родительской даче насажал в свое время целую кучу. Так что осталось дом организовать.

Однако рождение сына оказалось совсем не таким праздником, каким представлял себе его Стас. Для начала этот поганец просто написал в его любимый магнитофон. Пришлось даже себе новый покупать. Ну не ремонтировать же обоссанный? Потом начал все время орать. Так орал, что было слышно даже в наушниках. К тому же Стасу теперь нельзя было курить в одной комнате с ребенком. А куда ж ему деваться, когда у них комната всего одна? На лестницу, что ли, идти? А как там музыку слушать? В результате Стас стал все позже возвращаться с работы домой. По дороге он заходил к своему школьному приятелю, у которого не было никаких соплей-воплей, можно было курить, пить пиво и слушать музыку. Нельзя сказать, чтобы Стас не любил своего сына, просто все это было как-то напряжно. Он все ждал, когда Степан наконец вырастет и они смогут слушать музыку вместе. Постепенно Стас стал выпивать, это как-то мирило

его с несоответствием жизни его ожиданиям. Опять же, приближало к вожденной нирване. А кроме того, и это, наверное, было самым важным, выпивка развязывала Стасу язык. Он казался сам себе невозможно свободным и остроумным, прямо как Макс.

Жизнь немного стала налаживаться, когда они наконец смогли получить отдельную квартиру. У Степана организовалась своя комната. Можно было считать, что Стас свою задачу выполнил, типа, построил дом. Конечно, дом этот построил не Стас, а квартиру выбила у государства Надька при помощи связей матери Стаса. Но кого это волнует? Вот он, дом, есть уже. Вроде бы живи да радуйся, но Надьке все время не хватало денег, совсем на деньгах баба помешалась. То сапоги ей надо, то Степке велосипед. Вот у приятеля с работы жена семь лет в одних сапогах ходит, и ничего! А где Стас денег на эти сапоги возьмет, если зарплата у него меньше, чем эти сапоги стоят? Вот ему, например, ничего не нужно. На пластинки да на курево, ну и, само собой, на пиво или на портвейн. Не бог весть какие деньги. Правда, одежду ему мама с папой покупают, но он их об этом и не просил никогда. Сами несут. А почему бы тогда и Надькиным родителям ей с сапогами не помочь? Вот эти все дурацкие бытовые проблемы и достали Стаса до самой печени. От расстройства он даже начал пить еще больше и очень удивился, когда с ним случился первый запой. Это было фигово. Стас перепугался не на шутку и решил больше не пить ни грамма. По-

сле этого он, конечно, несколько раз сорвался, но нельзя сказать, чтоб уж очень надолго. Надька, правда, про развод что-то вякать начала. Но эти разговоры Стас всерьез воспринимать не стал. Куда она денется? Вон Бутусов правильно поет – «скованные одной цепью». Это как раз про них. Жилплощадь-то общая. Вот, прописка в паспорте черным по белому проставлена. И никто Стаса с места его законной прописки вытурить никакого права не имеет. Даже если он по потолку бегать начнет. А из отдельной квартиры коммуналку делать Надька сама ни за что не будет. Да еще на глазах у ребенка. Так что про развод Надежда может мечтать хоть до посинения. Шиш ей на масле!

И тут у Давыдовой вдруг появились деньги. Она ушла с работы и стала заниматься бизнесом вместе со своим институтским дружкой Шестопаловым. С тем самым, с которым она тогда в баре мутила, когда они с ней познакомились. Сначала Стас ревновал ее к этому Шестопалову и с горя опять запил, а потом он уже ревновал ее к деньгам, которые она стала зарабатывать. Будто бы он сам таких денег заработать не мог... Очень хотелось Давыдовой насолить, и Стас уже пил практически беспробудно. Давыдова вызывала докторов, доктора выводили Стаса из запоя, некоторое время он держался и снова сваливался в запой. Давыдова опять заговорила о разводе. На этот раз Стас понимал, что квартирный вопрос ее не остановит. Теперь, с ее деньгами, квартиру можно было купить. Он с перепугу подшился, но это

уже не помогло. Тогда он начал выставлять ей условия, пытаясь всеми правдами и неправдами развода избежать. Но Давыдова всегда была упряма как баран, и Стас понял, что теряет все. Не только Давыдову и Степана, но и вообще всю свою, на его взгляд, такую вполне даже приличную и отлаженную жизнь. А вот за это Стас по-настоящему возненавидел Надьку Давыдову и решил, что за его разбитую жизнь она должна заплатить, причем по-крупному.

* * *

Надя Давыдова с большим трудом наконец накопила деньги на квартиру для Стаса и была очень собой довольна. Часть, правда, все равно пришлось взять в долг у Шестопалова. Разводиться Стас согласился только на определенных условиях – квартира, мебель и машина. Когда Шестопалов узнал об этих проблемах, он всячески порывался набить Стасу морду, но Надя не позволила.

– Понимаешь, Игорь, – объясняла она ему свою позицию, – за ошибки надо платить. Я сделала в свое время серьезную ошибку. Моя ошибка даже не в том, что я, не подумав, выскочила замуж за голубоглазого блондина, который все время молчал. Моя ошибка заключалась в том, что я выбрала этого человека в отцы для своего мальчика. А мой мальчик достоин лучшего отца. Ошибки можно делать, когда их можно исправить. Так или иначе, я могу избавиться от

мужа, но я не могу дать ребенку другого отца. Может быть, я не права, но мне кажется, чем больше я заплачу за эту свою ошибку, тем меньше будут для меня ее последствия.

– Дура! – ругался Шестопалов. – Пенделя ему дать хорошего, чтоб летел подальше. Какой он на хрен отец? Захребетник чертов.

Тем не менее развод был произведен на условиях Стаса, и свободная во всех отношениях женщина Надя Давыдова начала заниматься бизнесом с удвоенной силой. Шестопаловы изо всех сил старались ее с кем-нибудь из мужчин познакомиться, но Давыдова решительно отметала все их попытки.

– Все, наелась я этими глупостями, мне и одной хорошо! – гордо заявляла она Шестопаловым.

Врала, конечно. Кому ж хорошо в одиночестве? Безусловно, лучше, чем вдвоем со Стасом, но это не аргумент. Со всем не аргумент. Однако после стольких лет, прожитых со Стасом, Давыдова четко понимала, что больше права на ошибку не имеет. Она часто вспоминала свой разговор с отцом про двери, коридоры судьбы и кармические грабли. И так лучшие свои женские годы проболталась в таком тупиковом и скучном коридоре. Вот уж грабли так грабли наступали ей по лбу! Теперь Давыдова имела совершенно твердое представление о пьянстве и алкоголизме. И уж лучше, наверное, все-таки быть одной, чем с кем попало, пусть у него хоть и волосы до плеч да глаза синие. Она решила, что будет ждать настоящего мужчину своей мечты. На меньшее теперь

уже наученная горьким опытом, умная и красивая Надя Давыдова согласиться никак не могла. Действительно, она же не пенек с глазами!

Вот только стоял вопрос, как этого мужчину мечты найти, узнать и не пропустить. Но на это ведь есть совершенно четкие инструкции в романтических книгах и фильмах! Эти источники в свое время научили Надю Давыдову тому, что мужчина мечты вряд ли приходит по газетному объявлению или по знакомству через друзей. Мужчина мечты должен свалиться как снег на голову, чтобы «хоп» – вспышка молнии и большая чистая любовь тут как тут. Ну, что-то, наверное, типа того – вот едет Надя Давыдова на своей лошади где-нибудь по Елисейским Полям, а Он навстречу в коляске едет. Вернее, наоборот, Он на лошади, а Надя в коляске. Увидели друг друга и обомлели. Но это вариант для старинной жизни. Пожалуй, лучше так – приехала, например, Надя по делам в министерство какое-нибудь и идет по лестнице, пачку важных документов к груди прижимает. У нее этих документов важных целая куча, даже в портфель не влезают. А навстречу ей по лестнице бежит Он. Лучше, конечно, чтоб сам министр. Налетел на нее случайно, бумаги рассыпались, и начал Он ей помогать их собирать, тут глаза их встретились – и все! Любовь с первого взгляда. Вот где-то так. Ну, кого, скажите, с принцем мечты друзья знакомят?!

Как известно, у некоторых дамочек мечты иногда сбываются. А может быть, все гораздо проще и судьба каждому,

кто свернул из ошибочно выбранного коридора, всегда дает возможность открыть новую дверь? Причем независимо от того, дамочка он или нет.

Это случилось в апреле, ближе к середине. Надежда Михайловна Давыдова наконец вылезла из шубы и нарядилась в роскошное белое пальто и не менее выдающиеся белые сапоги. Солнце уже пригревало вовсю, поэтому она надела еще и красивые солнечные очки. Прическа у нее напоминала мамину прическу-башню из далекого детства. Ну чем не иностранная артистка? В таком замечательном виде она не спеша плыла от метро в сторону нового офиса. На работу можно было не торопиться. Ведь начальство, которым она теперь была, никогда не опаздывает, оно задерживается. Кто бы мог подумать, что еще несколько лет назад она неслась с выпученными глазами к проходной, чтобы успеть сдать свой пропуск не позднее восьми утра. Иначе капец! Разбор полетов в первом отделе, заведующим режимом на предприятии, и, как следствие, депремирование. И всем по фигу, что ты едешь с другого конца города на двух автобусах и метро. Никому не интересно, что при живом супруге ты существуешь вместе с сыном на свою зарплату и любая копейка у тебя на счету. А с другой стороны, все это, конечно, правильно. Это твои проблемы, ты их и решай. Почему другие люди должны идти тебе навстречу? Это ты выбрала себе такой коридор судьбы, сама на лежащие в нем грабли наступила,

а теперь окружающие должны входить в твоё положение и всячески помогать? Не нравится – меняй, это твоя жизнь. В конце концов, никто же не заставлял тебя выходить замуж и рожать ребенка.

Сейчас жизнь Давыдовой изменилась коренным образом. И офис недалеко от дома, и квартира в центре, и ребенок в элитной гимназии учится, и матери с отцом есть чего подкинуть. Уж про сапоги белые и говорить не приходится. Мама их, как увидела, аж чуть не задохнулась, да и папа одобрил.

– Вещь, безусловно, красивая, но бесполезная, – отметил он, почесав затылок, – хотя, если все время ездить на такси или завести себе машину с шофером, то вполне даже можно и такие носить.

До машины с шофером им с Шестопаловым было ещё далеко, а вот на такси ездить Давыдова себе позволяла уже практически постоянно.

Однако в тот день машину было никак не поймать, и Давыдова поехала на метро. Слава богу, ноги в белых сапогах ей не отдавили, народ даже как-то расступался, видимо боясь такую белую красоту помять и испачкать. И Давыдова шествовала по улице, довольная собой, своей жизнью и погодой. Как вы думаете, что представляет собой человек, выделяющийся самым наглым образом из окружающей серой действительности? Правильно, мишень. Злые силы ведь на то и злые, чтобы не давать всяким там выскочкам из общей массы выскакивать. Он ведь выскочка, как выскочит, так тут

же по голове и получает. Конечно, злобные силы могли бы извернуться и запустить какого-нибудь джигита на «жигулях»-«копейке», чтобы он всю эту белоснежную красоту из грязной лужи облил с удовольствием. Но во-первых, джигит от такой красотищи может и притормозить, а во-вторых, ведь надо этого джигита за каким-то бесом заставить свернуть на данную улицу, рассчитать его скорость, совместить со скоростью движения белоснежной Давыдовой, организовать в нужной точке глубокую лужу да еще прикинуть траекторию движения водяной массы так, чтобы она непременно окатила белоснежное чудо. И зачем так заморачиваться, когда все можно сделать гораздо проще. Небольшая ямка на асфальте, шпилька в нее попадает, и даже если и не ломается, то нога все равно подворачивается, и глядь, а дамочка уже стоит на четвереньках прямо посередине вполне приличной лужи! Так, собственно говоря, и случилось с Надей Давыдовой, настоящей красавицей, похожей на иностранную артистку.

Макс и Стас. Вариант второй

Когда у них с Шестопаловым в баре закончилось спиртное, они оба очень удивились. Так увлеклись своей бойкой торговлей, так радовались, что даже не заметили, как портвейн, продаваемый под видом яблочного сока, закончился. Вскоре подошла к концу и водка, которую Игорь мешал с томатным соком. Староста Титов срочно организовал гонцов в магазин, уж чего-чего, а денег теперь хватало с избытком. Это перед дискотекой они сбрасывались всей группой, собирали с миру по нитке. Давыдова все строго фиксировала в отдельной тетрадке. Планировалось полученный доход распределить четко в соответствии с вложенными средствами. На тот момент, когда спиртное закончилось, доход составлял уже два рубля на рубль вложений. Такую бы дискотеку да каждый месяц устраивать, а лучше раз в неделю.

– Когда вырасту, обязательно в бар работать устраюсь! – мечтал усталый Шестопалов, изнутри привалившись головой к стойке бара.

– Кто ж тебя туда возьмет, там после кулинарного техникума целая очередь стоит, – со знанием дела прокомментировала Давыдова и тут же вспомнила маму с рассказом про воротничок и город Замухинск.

– Ну, тогда свой подпольный бар открою, – не сдавался Шестопалов.

– Ага! А милиция на что? Повяжут тебя, Игорек, и отправят в Сибирь.

– Испугала! Я сам оттуда. Из самого центрального сибирского Замухинска. – В голосе Шестопалова сквозила гордость.

– А газета «Вперед!» у вас там есть?

– А как же! И «Вперед!», и «Замухинская правда», у нас даже свой краевой театр драмы есть!

– Знаю. С примой Загоруйко.

– Откуда знаешь?

– Мама рассказывала.

– А! – кивнул Шестопалов, как будто сказанное Давыдовой все объясняло. Действительно, уж если мама сказала, то против этого не попрешь. – Шла бы ты, хоть сплясала, что ли? Пока ребята за водкой бегают. Ты ж вон уже извертелась вся за стойкой. Беги давай.

Давыдова сдала выручку Титову и поскакала в темноту, которую прорезали вспышки лазеров, выхватывая сосредоточенные лица танцующих. Только она завертелась и задержалась в общем ритме, как рядом с ней как грибы выросли два совершенно замечательных парня. Один был чернявый, с яркими зелеными глазами, его длинные волосы были забраны на затылке в хвост. Одет он был в джинсы и модный нейлоновый свитер, который в лазерных вспышках переливался, как ртутный. Второй имел глаза синие и абсолютно белые волосы. Волосы были распущены и струились чуть ли

не до самых лопаток этого красавца.

— Макс! — представился зеленоглазый, стукнув себя кулаком в грудь.

Давыдова сразу же окрестила его Чингачгуком.

— А это Стас! — Тут он стукнул кулаком в грудь беловолового, который сильно смахивал на настоящего викинга.

Давыдова сразу представила его на корабле с развевающимися на ветру волосами. Жуть, до чего красиво!

— Надя! — в ответ представилась Давыдова и сделала книксен.

Зеленоглазый Макс заржал. У Стаса на лице не дрогнули ни один мускул. Давыдова с большим удовольствием подрыгалась с парнями, а потом махнула рукой в сторону барной стойки, извинилась и сказала, что ей пора. Шестопалов с Титовым возвращению Давыдовой явно обрадовались. Выпивка подоспела, Титов с деньгами путался, а Шестопалов все время вылезал из-за стойки, чтобы поглядеть, с кем там Давыдова зависла.

Надя отобрала у Титова деньги, быстро пересчитала их и записала в тетрадь. Шестопалов заглянул к ней через плечо и крикнул от удовольствия.

— Да, Надюшка, у тебя на халяву не проскочишь, полный ажЮр с абажЮром.

— Сам ты ажЮр! — засмеялась Давыдова. — Это ж казенные деньги, в смысле общественные, они любят счет и порядок.

В этот момент к стойке подкатились Макс со Стасом.

– Ну, что у вас тут наливают дископлясам? – поинтересовался Макс.

– Лимонад «Колокольчик»! – строго ответил Шестопалов, выпрыгивая из-под стойки.

– О! А ты кто же такой, мальчик? Уж не известный ли проказник Буратино, который впарил нашему физику томатного сока, нагло разбавленного водкой? – Макс веселился вовсю, и Давыдова не могла удержаться от смеха.

– А кто интересуется? Уж не народный ли контроль? – в тон ему ответил Шестопалов, рожа которого уже тоже сама собой расплывалась в улыбке.

– Нет, народные массы ликуют! А вот профессорско-преподавательский состав в недоумении, почему налили только физику? Мы передовой отряд со старших курсов. Посредники, так сказать. Требуем равноправия и «Кровавой Мэри» для всех! Надеюсь, вы «Колокольчик» с водкой не мешаете?

– Да никогда! Как вы могли подумать! – оскорбился Шестопалов. – Хотите «Мэри» или вам налить портвейну?

– Нам «Мэри». А каков ваш ценник?

Давыдова придвинула к носу Макса ценник на томатный сок.

– Ох, ну и ни фиги! – воскликнул Макс.

– Чегой-то – ни фиги? – поинтересовалась Давыдова. – А сервис, а доставка?

– Берем, берем, не спорим ни минуты! – Макс протянул Давыдовой деньги.

Шестопалов нырнул под стойку и выставил два бумажных стаканчика.

Макс попробовал изготовленную Шестопаловым смесь, причмокнул губами и сказал:

– Однако хорошо! Это у вас не томатный сок с водкой, а водка с томатным соком.

– Дык стараемся! – ответил Шестопалов.

– Я вижу вы, Надежда, в надежных руках, – сказал Макс, – тем не менее мы со Стасом после окончания этого безобразия вас будем провожать до дому. Правда, Стас?

Стас взял свой бумажный стаканчик, залпом выпил, крикнул, облизал красные усы от томатного сока и значительно произнес:

– А как же!

Шестопалов из-под барной стойки свирепо завращал глазами и дернул Надю за джинсы.

– Отлично! – сказала Давыдова, не замечая шестопаловских знаков.

Ребята отправились обратно в толпу танцующих.

– Ну что? – строго спросила она Шестопалова, когда они ушли.

– Ты, Надь, того-этого, осторожней! Ребята-то незнакомые. Опасно вечером с такими ходить.

– Ага! А одной по нашему пустырю от метро идти не опасно?

– Ну, мы б с Титовым тебя проводили.

– Поздно, батенька! Вы ж не сказали ничего, а я уже с людьми договорилась.

– Хорошо, но я их на всякий случай запомню.

– Запомни, запомни, тем более что они оба такие запоминающиеся.

– Да уж! Красавцы, не то что мы с Титовым, – согласился Шестопалов и погладил себя по круглому животу.

С тех пор эти красавцы окружали Надю Давыдову всегда и везде. Обычно они встречались во время большого перерыва. В этот момент центральная лестница института напоминала большой улей. Там назначались все встречи, именуемые почему-то «стрелками», продавались и покупались различные иностранные шмотки, сигареты и прочая продукция гнивающего западного капитализма. Этаким филиал Невской линии галереи Большого Гостиного Двора, из которой потом вышли многие питерские предприниматели и криминальные авторитеты. В электротехническом институте, конечно, имелись и свои авторитеты, которые назывались «борцы». Учились они в институте по спортивной линии, занимались своей борьбой в соответствующей секции и попутно регулировали и утрясали различные неурядицы, то и дело возникающие в процессе спекулятивной торговли на центральной лестнице. То есть в бизнесе, который вертелся в электротехническом институте, царил мир, покой и порядок. Тем более что сотрудники соответствующих органов свободного прохода в институт не имели.

Надя быстро поняла, что Макс со Стасом имеют к этой лестничной торговле непосредственное отношение. Только Макс все время что-то там продавал, а Стас покупал. В основном музыкальную аппаратуру и пластинки. Давыдова, конечно, никогда не спрашивала, откуда у Стаса деньги на такие дорогие вещи. Дело в том, что Стас наличие у него денег никогда не афишировал. Деньги на разные коллективные мероприятия обычно водились у Макса. Он всегда за всех платил и всех угощал. Потом выяснилось, что родители Стаса ни в чем своему ребенку не отказывают и снабжают того деньгами просто в неограниченном количестве. Отец Стаса работал какой-то важной шишкой. Макс же, наоборот, рос без отца и жил вместе с мамой. Маму он очень любил и слушался беспрекословно. Деньги Макс добывал себе сам, занимаясь разной мелкой спекуляцией.

Родители Давыдовой сначала смеялись по поводу Макса и Стаса, которые всегда появлялись в их доме только вдвоем, и называли их «двое из ларца – одинаковы с лица». Потом родители сделали строгий вид, посмотрели на Надю поверх очков и велели уже определиться, который из этих красавцев ей больше нравится. Наде вроде бы больше нравился Стас. Он был вопиюще красив со своими белоснежными волосами и ярко-синими глазами, да еще так выносливо терпел, когда она ему на танцах оттаптывала ноги. Плюс к этому его загадочная молчаливость. Однако именно эта молчаливость вдруг непонятным образом начала раздражать Давы-

дову. Какой-то он все-таки был странный и безэмоциональный, что ли. Было непонятно, что там у него в голове. А лучший друг Давыдовой Шестопалов даже высказал предположение, что у Стаса заморожен мозг, от этого глаза такие синеголубые, как лед, а волосы все белые, потому что в иinee. Шестопалов вообще ребят недолюбливал, особенно Стаса. Ревновал, наверное, по-дружески. И неизвестно, сколько бы эти коллективные ухаживания еще продолжались, если бы Макс не сломал ногу. Прямо в непосредственной близости от Надиной парадной. Пришлось просить папу идти в гараж за «москвичом», чтобы отвезти Макса в травматологический пункт. Всю дорогу, несмотря на сломанную ногу, Макс смеялся над собой и вообще проявлял чудеса терпения и выдержки. Ни разу не пикнул, чем очень понравился папе. Надя хоть и хохотала над шутами Макса, но очень переживала за него. Стас, по своему обыкновению, молчал.

«Может быть, и правда, у него мозг заморожен, и он, как Кай из «Снежной королевы», занят сложением в уме слова «Вечность»?» – думала Давыдова, исподтишка поглядывая на Стаса.

В травматологическом пункте объявили, что у Макса сложный перелом, ему наложили гипс и велели провести в кровати не менее месяца. Давыдова вместе со Стасом стали навещать Макса. Привозили ему апельсины и сигареты. Потом Стас провожал Давыдову домой. Всю дорогу от дома Макса до дома Давыдовой Стас загадочно молчал. Это

почему-то все больше и больше стало раздражать Давыдову. Особенно на фоне веселой, жизнерадостной атмосферы, которая царила в доме у Макса. Дорога до дому в сопровождении Стаса стала для Давыдовой настоящей пыткой. А когда Стас вдруг решил поцеловать ее на прощание у дверей квартиры, Давыдова и вовсе разозлилась:

– Стас! Ты сдурел совсем? Макс в гипсе лежит, а ты целоваться лезешь!

Стас, по своему обыкновению, промолчал, а Давыдова на следующий день поехала к Максиму одна.

– А где же наш могучий Вяйнемейнен? – удивился Макс, прискакавший на одной ноге, чтобы открыть ей дверь.

– Да ну его! Молчит как рыба об лед. Я соскучилась. – Давыдова имела в виду, что соскучилась с молчаливым Стасом.

– Я тоже! – обрадованно завопил Макс, схватил Давыдову в охапку и поцеловал.

– Дурак! Я не по тебе соскучилась, а со Стасом. – Давыдова с трудом выпуталась из рук Макса. – Будешь приставать, вторую ногу тебе сломаю!

На самом деле целоваться с Максимом ей очень даже понравилось, но для порядка необходимо было поворчать.

– Какая же ты, Надька, свирепая! Ни стыда ни совести у тебя нет, никакого сочувствия к больному человеку. Нет чтобы сидеть у кровати и нежно за руку держать, так она, сапоги не снявши, норовит человека угробить окончательно! – запричитал Макс и запрыгал в сторону кухни. – Мало того

что мне на джинсах одну штанину порезали, так она на вторую нацелилась! Ты хоть знаешь, злобная девочка, сколько нынче джинсы стоят?

Давыдова не могла долго злиться на Макса, она сняла сапоги и поскакала на одной ноге следом за ним.

– Издеваешься? – спросил Макс, усаживаясь на табуретку.

– Нет, сочувствую на деле.

– Ну, тогда хоть кофе свари, что ли.

Давыдова сварила кофе, и они пили его, закусывая конфетами «подушечки». В это время раздался звонок в дверь.

– Наверное, это Стас, – предположил Макс.

– Сейчас открою. – Давыдова вскочила со своей табуретки.

– погоди! Вот он сейчас придет, будет глядеть немым укором. Давай я тебя сначала поцелую, немножко, чуть-чуть, а потом мы ему уже дверь откроем? А? – Макс посмотрел на Давыдову жалостно, но на всякий случай вторую ногу подобрал под табуретку.

– Хорошо, чуть-чуть и быстро, а то он заподозрит неладное! – смиростивилась Давыдова.

Макс радостно подскочил и нежно поцеловал Давыдову. Поцелуй получился хороший, но совсем не такой, которого она ожидала. Надя посмотрела на хитрую рожу Макса, взяла его за голову, притянула к себе и поцеловала от всей души. Макс вцепился в нее обеими руками, потерял равновесие, и они чуть не повалились на пол.

– Ну тебя, Макс, по всему видать, тебе одному неохота с гипсом валяться, ты всех за компанию увалить пытаешься. – Давыдова оторвалась от Макса, ухватилась за стенку и, с трудом удержав равновесие, пошла открывать. Макс плюхнулся на свою табуретку.

За дверью Стаса не оказалось, там стоял небритый мужик. Он чего-то бубнил про раковину. Выяснилось, что это водопроводчик, которого вызвала мама Макса. Давыдова засоби-ралась и поехала домой.

У дома ее ждал Стас. Было холодно, шел небольшой снежок, однако куртка у Стаса была распахнута, а белые волосы развевались на ветру. Шапок Стас не носил. Картина была очень красивая, как в иностранном кино. Стас заглянул своими льдистыми глазами в шоколадные глаза Давыдовой и многозначительно сказал:

– Все понял, не дурак!

Потом он повернулся и пошел со своими развевающими-ся волосами в сторону метро. У Давыдовой было ощущение, будто сердце ее превратилось в ледышку и соскользнуло куда-то вниз, прямо в пятки. Ей вдруг стало безумно жаль Стаса, Макса, себя и всех людей на планете Земля. Давыдова заплакала и пошла домой. Дома ее ждала бабушка, которая сообщила, что два раза приходил снежный человек, а телефон оборвал тот, который «в жопе гвоздь». Так бабушка почему-то прозвала Макса. Давыдова некоторое время постояла у окна, глядя на падающий снег, а потом набрала телефон

Макса.

– Надька, слушай, у тебя там наверняка ведь Вьянemiahнен под дверью дежурил? – спросил Макс сразу же, как только взял трубку.

– Точно, – ответила Давыдова с болью в голосе. Если бы Макс сейчас вдруг стал насмехаться над Стасом, она бы сразу повесила трубку.

– Надь! Я вот что подумал, выходи за меня замуж!

– Ты серьезно? – Давыдова очень удивилась.

– Я очень серьезно! Я вдруг почувствовал, что если этого не сделаю, то Вьянemiahнен воспользуется моим ранением и тебя у меня уведет. Так что давай. Решайся.

– А ты у мамы разрешения спросил?

– Давыдова! Я тебе уже говорил, что ты злобная мегера?

– Макс, не обижайся. Просто я знаю, как ты маму любишь и во всем с ней советуешься. Ничего в этом плохого, кстати, нет. Я вот тоже с родителями советуюсь. Иногда.

– С мамой я действительно советовался, а не разрешения спрашивал. Причем еще вчера.

– Ну, если с мамой согласовал, тогда это и вправду серьезно, – многозначительно сказала Давыдова.

– Надька! Ты пользуешься моей неподвижностью. Ох и накостылял бы я тебе!

– Кстати, о костылях! Знаешь, Макс, я вот тут подумала: как ты на костылях жениться-то будешь?

– Легко и просто. Гипс у меня снимут к тому моменту. Я

даже штаны зашью, обещаю, что в рваных джинсах жениться не пойду.

– А ты меня любишь-то хоть? – поинтересовалась озадаченная таким поворотом событий Давыдова.

– Дура! Конечно, люблю, чего бы я тогда жениться побегал?

– Ну, не знаю! Разные бывают у людей поводы. Беременность, например.

– Ты, что ли, беременна? – удивился Макс.

– Я нет.

– Так и я вроде тоже нет.

– Хорошо. Правильно ли я поняла, что ты хочешь на мне жениться не потому, что находишься в интересном положении, и не для того, чтобы я за тобой, одноногим, ухаживала, стакан воды подавала и всякое такое прочее. А хочешь ты жениться, потому что любишь меня со страшной силой?

– Надька, хорош издеваться. Я тебя замуж зову, а ты хихикаешь.

– Ну не плакать же мне! Я ж радуюсь, но мне необходимо все-таки досконально прояснить ситуацию. Дело-то серьезное. В принципе я, конечно, согласна. Замуж – это сейчас актуально. Все кругом женятся. Даже Шестопалов нацелился.

– Какой такой Шестопалов? Буратино, что ли?

– Он самый. Короче, жених, когда свадьба? Мне ж родителей вроде позвать надо. Ты-то свою маму уже позвал.

– Я предлагаю так. Завтра ты приезжаешь ко мне, я к это-

му моменту уже вызываю такси. Грузимся с костылями и едем подавать заявление. У мамы во дворце на набережной Красного Флота знакомая работает. Она нас будет ждать в два часа. Примет заявление, ускорит процесс, и через месяц мы будем женатики. Гы-гы-гы!

– Гы-гы-гы! Даже жениться по благу будем! Хорошо. По рукам.

– Ура!

– Макс, я вот еще чем интересуюсь. Правильно ли я поняла, что свадьба наша будет происходить не в простом ЗАГСе, а во Дворце бракосочетаний на набережной Красного Флота?

– Ага. У мамы же там знакомая работает!

– Это понятно. Но если свадьба во дворце, значит, надо платье белое, фату и прочие фигли-мигли?

– Конечно.

– Тогда я тебя попрошу об одной очень важной вещи.

– Проси чего хочешь.

– Можно обойтись без поездки по нашим местным достопримечательностям, которые мы с тобой и так хорошо знаем, и без пупса на капоте?

– Легко. Мне этот пупс самому кажется намеком на человеческие жертвоприношения.

– А вот шарики надувные можно использовать в неограниченном количестве.

Через месяц Надя Давыдова вышла замуж за Макса. Ока-

залось, что Макс очень нравился Надиным родителям. После того, как Давыдова сообщила им, что сделала выбор и решила выйти замуж за Макса, они, по своему обыкновению, поглядели на нее поверх очков.

– Слава богу! – сказала мама.

– Я больше всего боялся, что ты за этого замороженного снежного человека выскочишь! – заметил отец.

– Поживем – увидим! – Так отреагировала мама Макса.

Свекровь приложила уйму усилий, чтобы перевести Макса из электротехнического института в финансовый. Макс перешел и обзавелся там новыми друзьями. Люди эти были слегка постарше Нади и Макса, они собирались не только для того, чтобы выпить водки и закусить селедкой под шубой, а рассуждали на темы экономики, читали переводную литературу и говорили о скором экономическом банкротстве Советского Союза. Более того, они даже строили планы и модели плавного перехода от социализма к капитализму. Давыдова слушала их открыв рот, а Макс говорил, что в совке все равно ничего путного не будет. Он воспользовался новыми возможностями и завязал отношения с иностранцами, которые учились в финансовом. Те поставляли ему иностранную технику и шмотки. Все это он спокойно перепродавал в электротехническом. В результате этих манипуляций жили они с Давыдовой вполне припеваючи. Даже купили кооперативную квартиру.

К окончанию института Давыдова уже была беременна.

Макс радовался и сообщал всем, что там, в животе у Давыдовой, растёт девочка по имени Ольга. Давыдова с ним не спорила, она твердо знала, что изнутри ее пихает пятками настоящий мужчина по имени Степан.

Степка родился вскоре после защиты диплома. Свекровь влюбилась в него с первого взгляда и стала гостить у молодых родителей при каждом удобном случае. Давыдова не возражала. Свекровь оказалась нормальной теткой, и они с Давыдовой по-настоящему подружились, особенно на почве любви к этим двоим, Макс и Степке. К этому моменту Макс уже закончил институт и работал в отделе по борьбе с расхитителями социалистической собственности. Эта борьба давала Максиму удостоверение, которое позволяло беспрепятственно проходить в места, где обитали иностранцы, снабжающие Максима необходимыми товарами. Давыдову свекровь устроила в проектный институт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.